

Глава 20

Шарх!

В холодной, тихой комнате время от времени раздавался резкий скрежет.

Звук трения железа о железо.

На кровати два тела сплелись в двусмысленной близости, но в этой сцене не было и намёка на нежность. Она больше походила на смертельную схватку.

На подавление слабого сильным.

На отчаянное сопротивление загнанной в угол добычи.

Пальцы Хэлянь Жуна сомкнулись на горле Цзинчжэ, лишая его воздуха.

Он вцепился в запястья мужчины, упёрся ногой в его тело, и из сдавленной гортани вырвался лишь хриплый, рваный звук.

— Хэлянь Жун... очнись...

Могучий хищник, настигнув жертву, наносит один точный удар — либо перекусывает позвоночник, либо разрывает горло, чтобы кровь хлынула потоком, и предсмертный крик замер, не успев родиться.

Цзинчжэ ещё мог говорить лишь потому, что Хэлянь Жун сдерживал силу.

Но даже сквозь это мнимое самообладание Цзинчжэ чувствовал скрытую ярость, импульс, готовый вырваться наружу. Лёгкая дрожь в пальцах мужчины, вызванная дыханием и словами жертвы, отдавалась в его крови, разжигая ещё более свирепое желание.

Цзинчжэ не видел себя со стороны и не знал, насколько жалко он сейчас выглядит.

Кровь мазком запеклась на губах, в уголках глаз алели следы жестоких укусов. Взгляд, затуманенный ужасом, казалось, вот-вот наполнится слезами.

Но слёзы не вызывали в Хэлянь Жуне ни капли сострадания. Напротив, они пробуждали в нём глубинную, тёмную жажду разрушения.

Он действительно хотел убить Цзинчжэ.

Он с лёгкостью подавлял его сопротивление. Под кожей так отчётливо билось живое, трепещущее сердце. Если пронзить тонкую грудную клетку, ворваться в неё и сжать в руке это пульсирующее сердце, возможно, это утолило бы его острую, неумолимую, жестокую жажду.

Но Хэлянь Жун медлил. Что-то мешало ему нанести решающий удар.

— ...Хэлянь Жун, чёрт возьми, посмотри на меня! — прохрипел Цзинчжэ. — То, что ты делаешь... это не то, чего ты хочешь...

Он всё ещё боролся.

Цзинчжэ должен был чувствовать его неприкрытую злобу, так как же он мог произносить такие слова?

Хэлянь Жун провёл пальцами по бровям и глазам Цзинчжэ, жест казался почти нежным.

— Цзинчжэ, почему ты так наивен? — прошептал он.

В его ледяном голосе зазвучали раскалённые нотки.

Словно холодное железо, закалённое в огне, — вспышка неукротимого пламени, расплавленный металл, обжигающий кожу.

— Откуда ты знаешь, что это не то, чего я хочу? — на его губах появилась жестокая усмешка. — А что, если я и вправду хочу тебя убить? Что, если я именно такой — злой, жестокий человек?

Если сорвать с него маску, кем он окажется на самом деле? Разве Цзинчжэ знает его?

Всё, что он видел, — лишь слои обманчивого спокойствия.

— Это всё неправда.

Цзинчжэ замер. Лишь на мгновение, но Хэлянь Жун, прижавшийся к нему всем телом, тут же уловил эту тень сомнения.

Улыбка мужчины стала шире, тьма затопила его глаза, наполнив их первобытной злобой. Тонкие губы дрогнули, готовые извергнуть ещё более смертоносный яд.

— И что с того, что неправда? — с трудом выговорил Цзинчжэ. Он чувствовал, как пальцы на его горле снова сжимаются, делая каждый вдох мучительным.

Его ногти, до этого скребущие по рукам Хэлянь Жуна, впились в бледную кожу, оставляя кровавые царапины.

— Но мои чувства были настоящими... Наше знакомство, общение... твои подарки... твоя помощь... неужели всё это тоже было ложью?

Даже если сам Хэлянь Жун был обманом, всё, что между ними происходило, было живым, настоящим. И чувства, которые они испытывали, были подлинными.

А раз так, Цзинчжэ не мог полностью отрицать его существование.

Даже если это была лишь часть кого-то другого, разве часть — не реальность?

Цзинчжэ был упрям.

Если его не переубедить, он будет стоять на своём, даже под угрозой смерти.

— Даже если... ты меня убьёшь... я не поверю, что Жун Цзю был ложью.

Перед глазами поплыли тёмные круги, он уже почти не мог говорить.

В ушах стоял пронзительный звон. Тьма смерти поглощала его. В последний миг он, кажется... что-то ещё сказал...

Собрав последние силы, он вырвал из себя слова, раздирая горло.

Но они прозвучали.

***

— Кхе-кхе, кхе-кхе-кхе...

Едва очнувшись, Цзинчжэ зашёлся кашлем.

Воспоминание о последнем безумном мгновении перед потерей сознания было ещё свежо.

Он впервые по-настоящему ощутил приближение смерти, и запоздалый ужас ледяными тисками сжал его сердце.

Он с горечью понял, что Хэлянь Жун не лгал.

В тот момент он действительно хотел его убить.

Придерживая горло, Цзинчжэ обвёл взглядом комнату. Его взор остановился на бронзовом зеркале на столике. Нащупав край кровати, он спустился на пол и, стараясь не обращать внимания на лязг цепей, мелкими шажками подошёл к нему.

Он встал перед зеркалом и нахмурился, разглядывая своё отражение.

Такое же зеркало было у них дома в детстве — отец купил его в подарок матери. Спустя столько лет Цзинчжэ всё ещё помнил, как отец, прижимая драгоценную покупку к груди, принёс её домой и с гордостью вручил матери.

Он потратил на него половину своего месячного жалованья.

Цзинчжэ тогда тоже смотрелся в него, и оно отчётливо отражало его лицо.

Но зеркало в этой комнате было ещё более гладким и ясным.

Он провёл пальцами по багровым следам на шее. Они опоясывали его, словно ошейник, — ещё одни оковы.

Вид у него был неважный.

Наказание-«бафф» действовало на других, это Цзинчжэ знал давно. Но на разных людей оно действовало по-разному.

Даже если система утверждала, что «бафф» отчасти предназначен для повышения привлекательности носителя, в мире не бывает беспричинной ненависти, как и беспричинной любви. Когда «бафф» вызывал в людях симпатию к носителю, он неизбежно искажал их волю и мысли.

По мнению Цзинчжэ, в Хэлянь Жуне и без того проглядывала жестокость.

Но судить человека нужно не по словам, а по поступкам.

Сколько бы тьмы и ярости ни таилось в душе, если человек может сдерживать её, подавлять и

оставаться хорошим, то неважно, сколько в нём этой тьмы. Он не станет злодеем.

[Но, носитель, он действительно хотел тебя убить.]

— Он хотел меня убить. А почему? — холодно бросил Цзинчжэ.

Система умолкла.

Если бы не она, разве случилось бы всё это?

Цзинчжэ не хотел смотреть на своё жалкое отражение. Он отвернулся от зеркала и тут же врезался в грудь Хэлянь Жуна, твёрдую, как железо.

От удара в носу защекотало, и слёзы хлынули из глаз.

Он зажал нос и пробормотал:

— Зачем ты стоишь у меня за спиной? И вообще, почему ты ходишь бесшумно?

Хэлянь Жун, заложив руки за спину, смотрел сверху вниз на Цзинчжэ, трущего нос.

— Если хочешь научиться боевым искусствам, ещё не поздно.

— Сколько лет понадобится, чтобы я смог одолеть тебя, когда ты нападёшь?

Хэлянь Жун задумался и долго не отвечал.

Только когда Цзинчжэ поднял на него глаза, он медленно произнёс:

— И ста лет не хватит.

— ...Ясно.

Он обошёл Хэлянь Жуна, эту живую стену, и направился к кровати. Но густой аромат еды ударил в нос, и живот Цзинчжэ предательски заурчал. Он смущённо прижал руку к желудку.

Он не знал, как долго был без сознания, но, судя по пустоте в животе, не меньше двух шичэней.

Кажется, он просто проспал всё это время.

— Иди есть, — сказал Хэлянь Жун. — Сначала умойся.

Он кивком указал на умывальник.

Цзинчжэ не хотелось расхаживать перед ним. Он опустил взгляд на железное кольцо на своей лодыжке.

— Нельзя это снять?

Хэлянь Жун не ответил. Вместо этого он просто поднял Цзинчжэ на руки.

В тот миг, когда он приблизился, Цзинчжэ весь напрягся, его тело инстинктивно сопротивлялось. Эту реакцию он не мог ни скрыть, ни подделать.

Запах страха исходил от него, при каждом приближении Хэлянь Жуна он излучал явный ужас.

Но как бы Цзинчжэ ни сопротивлялся, когда Хэлянь Жун поднял его и усадил на свою руку, его разум заполнило лишь одно изумление.

Где я?

Что я делаю?

Ха-ха, я такой высокий... спасите!

Цзинчжэ не носили на руках лет пятнадцать-шестнадцать. Боясь упасть, он инстинктивно вцепился в плечи Хэлянь Жуна, практически обнимая его голову.

— Опустить меня, Хэлянь Жун!

Ему было ужасно стыдно.

Он впился в плечи мужчины так, что, казалось, мог проткнуть плоть.

— Почему нельзя?

— Так носят детей! Я уже не ребёнок, нельзя меня так носить! — он изо всех сил старался

подавить смущение и объяснить.

Хэлянь Жун был невероятно силен. Его руки, как стальные обручи, держали Цзинчжэ за талию и бедра, не давая вырваться.

Горячее дыхание коснулось его живота, вызывая странную реакцию.

Цзинчжэ замер, даже перестав сопротивляться.

Хэлянь Жун отнёс его к умывальнику, поставил на пол и невозмутимо сказал:

— А я хочу.

Он указал на медный таз.

— Умывайся.

Цзинчжэ молчал.

Что ж.

В такие моменты действие «баффа», кажется, проявлялось в своей нормальной, неискажённой форме.

«Надеюсь, когда он придёт в себя, то не пожалеет об этом», — пробормотал Цзинчжэ.

Он зачерпнул ладонями воду и умыл лицо. Когда он наклонился, растрёпанные волосы упали вперёд, открывая чёткие отпечатки пальцев на шее.

Следы уже превратились в багровые синяки.

Голос Цзинчжэ был хриплым, но, не считая инстинктивного страха при приближении Хэлянь Жуна, он вёл себя как обычно.

Словно в той жестокой схватке, что едва не разорвала его на части, он отделался лишь парой царапин и совсем не держал зла.

Но разве может человек остаться невредимым после такого?

Тёмные, глубокие глаза Хэлянь Жун неотрывно следили за его спиной. Этот взгляд, словно невидимые щупальца, обвивал Цзинчжэ, затягивая в вязкую трясицу, из которой невозможно выбраться, где можно лишь утонуть в бездонной тьме.

Спина Цзинчжэ напряглась. Он чувствовал этот взгляд.

Хэлянь Жун смотрел на него.

Всё время.

Этот взгляд был подобен путам, заставляя Цзинчжэ постоянно ощущать его присутствие.

И сдерживаемую ярость.

Он внезапно вспомнил свои слова, сказанные перед тем, как потерять сознание.

Что он тогда сказал...

«...Это не твоя... вина... я не... буду винить тебя... даже если... умру...»

Честно говоря, вспоминая это, Цзинчжэ сам не понимал, как мог такое сказать.

Даже самый добрый человек, оказавшись на волосок от смерти, не произнёс бы ничего подобного. Будь на его месте кто-то другой, Цзинчжэ бы ещё и отчитал его за глупую доброту.

Но теперь, когда таким добряком оказался он сам, ему было неловко.

После умывания Хэлянь Жун снова, не слушая возражений, поднял его на руки и усадил за стол, уставленный едой. (Кстати, откуда она взялась?) Глядя сквозь пар, поднимающийся от блюд, на сидящего напротив Хэлянь Жун, Цзинчжэ вдруг кое-что понял.

Это действительно была не его вина.

Всем управлял «бафф».

Если бы не он, Хэлянь Жун не поддался бы своей тёмной стороне, которая полностью исказила его сущность.

Но у человека есть предел. И причина, по которой Цзинчжэ в тот момент искренне желал, чтобы Хэлянь Жун, очнувшись, не винил себя, была до боли ясна.

Цзинчжэ, ты идиот.

Ты, кажется, влюбился в Хэлянь Жун.

Не просто в его лицо, а в него самого.

***

Вскоре после еды за окном стемнело.

Цзинчжэ сидел на кровати и смотрел, как Хэлянь Жун с подсвечником в руке зажигает одну свечу за другой, разгоняя мрак в комнате.

Он хотел помочь, но Хэлянь Жун, кажется, вошёл во вкус: после того как он один раз поднял Цзинчжэ на руки, он больше не позволял ему ходить.

И переодеваться, и возвращаться в постель его носили на руках.

Цзинчжэ прошёл путь от стыда до смирения. Всего пара «объятий» — и он перестал обращать на это внимание.

А что ему ещё оставалось?

Ему хотелось стукнуться головой о стену.

Запалив все свечи, Хэлянь Жун вышел.

Снаружи было темно, и за то короткое мгновение, что дверь была открыта, Цзинчжэ не смог понять, где они находятся.

Во дворце или за его пределами?

Даже если во дворце, он бы всё равно не узнал.

За все эти годы он изучил лишь несколько мест: то, где его обучали, Северные покои, Императорскую кухню, дворец Сюсю и Управление по надзору за дворцовыми залами.

В других местах он почти не бывал.

Хотя убранство дворцовых покоев было в целом схожим, это место выглядело незнакомым.

Цзинчжэ с тоской посмотрел на дверь, а затем со вздохом — на железную цепь.

Его пыльные пальцы на ногах тревожно зашевелились.

Когда он вставал, то так торопился, что забыл обуться.

Действие «баффа» должно было закончиться утром третьего дня.

Он боялся представить, что будет, если он пропадёт так надолго... Хотя, постой, кажется, ничего страшного и не случится.

Просто это будет невозможно объяснить.

Во дворце любое дело требовало предельной осторожности.

Тем более сейчас, когда за ним следила Вдовствующая императрица.

При мысли о ней Цзинчжэ похолодел. Если она, как он и предполагал, приставила к нему людей, не подвергнет ли он на этот раз опасности и Хэлянь Жуна?

Хлоп!

Цзинчжэ шлёпнул себя по лицу так, что щека вспыхнула.

О чём он думает?

Его похитили и держат в заточении, а он беспокоится о безопасности похитителя?

Да он сам на себя злился!

— Зачем калечишь себя? — раздался удивлённый голос Хэлянь Жуна.

Цзинчжэ бросил на него сердитый взгляд и надулся.

— Тебе можно меня душить, а мне себя ударить нельзя?

Хэлянь Жун поставил у кровати таз с горячей водой, намочил полотенце, отжал его и

приложил к шее Цзинчжэ.

От прикосновения Цзинчжэ зашипел от боли.

— Да, нельзя, — донёлся до него неторопливый ответ Хэлянь Жуна. — Я заплатил за твою жизнь, теперь ты мой. От кончиков волос до каждой косточки, каждой капли крови — всё моё.

Цзинчжэ поднял на него глаза.

Он говорил это совершенно спокойно.

За ледяным спокойствием скрывались безумные слова.

Хэлянь Жун медленно протёр ему шею горячим полотенцем, немного снимая отёк, затем бросил ткань обратно в таз и достал из-за пазухи нефритовую бутылочку.

Она была точь-в-точь как те две, что были у Цзинчжэ, но, когда он её открыл, в нос ударил совершенно другой, свежий аромат.

— У тебя в этих бутылочках каждый раз разное лекарство.

— Особый состав, лучше, чем покупное, — ответил Хэлянь Жун, выливая щедрую порцию мази на ладонь.

Отставив бутылочку, он растёр мазь между руками, покрывая каждый палец.

Цзинчжэ заворожённо следил за его неторопливыми движениями и опомнился, лишь когда эти руки потянулись к его шее.

Он инстинктивно отпрянул, уклоняясь от прикосновения.

— Может, я сам? Я могу, — пробормотал он.

— Не можешь, — холодно отрезал мужчина.

Его ладони властно легли на шею Цзинчжэ. Тёплая мазь под нежными, массирующими движениями втиралась в кожу, успокаивая воспалённые ткани.

Ощущение чужих рук на горле заставило Цзинчжэ вцепиться в одеяло.

Чувство удушья не отпускало, преследуя его.

Особенно сейчас, когда Хэлянь Жун наносил мазь.

Эти руки, что так легко могли отнять жизнь, теперь бережно касались каждого синяка. В этих движениях не было похоти, но была скрытая, ощутимая угроза.

Схваченный за самое уязвимое место, Цзинчжэ, словно настороженный зверёк, не мог расслабиться.

— Готово, — сказал Хэлянь Жун. — Лекарство хорошее, к завтрашнему дню синяки почти сойдут.

Он опустился на одно колено у кровати и опустил руки в таз, словно просто хотел их вымыть.

Но на самом деле он проверял температуру воды.

Когда он схватил Цзинчжэ за лодыжку, тот даже не сразу понял, что происходит. Но стоило его ногам оказаться в тёплой воде, как он взбрыкнул так, что чуть не расплескал всю воду.

Хэлянь Жун нахмурился и крепче сжал его брыкающуюся ногу.

Цзинчжэ вскрикнул и вцепился в его плечи.

— Что ты делаешь?! Встань, я сам!

Он и представить себе не мог такой картины.

Хэлянь Жун собирается мыть ему ноги?

Хэлянь Жун был так силен, что, как бы Цзинчжэ ни вырывался, он не мог освободиться, тем более что одна рука мужчины крепко держала цепь.

Он поднял голову, глядя на Цзинчжэ снизу вверх.

Он был в подчинённом положении, совершая унижительный поступок, но Цзинчжэ всё равно чувствовал, что его жизнь в руках этого человека.

Это было странное, необъяснимое чувство опасности.

В горле у Цзинчжэ пересохло. Он постарался говорить спокойнее:

— Хэлянь Жун... не нужно этого делать. Это было просто... внешнее воздействие. Ноги грязные, я сам их вымою.

Хэлянь Жун зачерпнул воды и полил ему на ступни.

Цзинчжэ инстинктивно поджал пальцы.

Он нервничал.

Такое поведение Хэлянь Жун заставляло его нервничать всё больше.

— Нельзя, — всё так же ровно ответил тот.

Он неторопливо вымыл Цзинчжэ ноги, вытер их, уложил обратно на кровать, велел укрыться одеялом и, взяв таз, вышел.

Цзинчжэ, словно деревянная кукла, рухнул на кровать.

Спустя некоторое время он зарылся лицом в подушку и застонал.

Конец.

Всё кончено. Хэлянь Жун стал таким, и моя совесть мучает меня всё сильнее.

Когда действие «баффа» закончится, как мне смотреть ему в глаза? Это же просто втоптать его гордость в грязь.

Цзинчжэ сам выполнял подобную работу, он ведь был евнухом.

И он видел, что Хэлянь Жун, хоть и действовал уверенно, никогда раньше такого не делал.

Возможно, это был первый раз в его жизни.

А-а-а... от этого было ещё мучительнее.

Цзинчжэ катался по кровати, желая задохнуться в подушках.

Он что, сломал Хэлянь Жуна?

Ведь он всего лишь евнух, а Хэлянь Жун, очевидно, знатного происхождения. Аристократ? При мысли об отвращении, которое Хэлянь Жун может испытать, придя в себя, сердце Цзинчжэ сжималось.

Конечно, конечно...

Он тоже был жертвой.

Яркие следы пальцев на его шее ещё не сошли.

Но, в конце концов, если бы Хэлянь Жун не встретил его, ему бы не пришлось делать... такое.

Цзинчжэ потёр лицо и пробормотал:

— Когда он очнётся, он ведь не захочет снова меня убить?

— Не захочу.

В третий раз!

За один день Цзинчжэ в третий раз чуть не подпрыгнул от страха.

Он сердито повернулся и уставился на мужчину, стоящего у кровати, позабыв о своих терзаниях.

— Ты можешь в следующий раз как-то предупреждать о своём появлении? Это очень страшно.

— Он прижал руку к бешено колотящемуся сердцу, не зная, испугался ли он или так отреагировал на нынешний облик Хэлянь Жуна.

Тот либо носил форму стражника, либо обычную, но строгую одежду. Этот же свободный наряд он видел впервые.

Оказывается, в неформальной обстановке Хэлянь Жун был так же красив.

Его устрашающая аура смягчилась, и в тусклом свете свечей прекрасное лицо казалось почти нежным.

Хэлянь Жун сел на кровать.

— Я сказал, что не убью тебя, значит, не убью.

Цзинчжэ коснулся своего горла и, отвернувшись, пробормотал:

— Лжец. Утром ты точно хотел меня убить.

— Хотел, — легко согласился Хэлянь Жун. — Но не убил.

Цзинчжэ снова осторожно выглянул.

— Почему ты остановился?

В тот момент он уже почувствовал вкус смерти.

Хэлянь Жун посмотрел на него.

Цзинчжэ, катаясь по кровати, растрепал волосы, и теперь они пушились вокруг его покрасневшегося лица. В его красивых глазах читались досада и любопытство. Он выглядывал украдкой.

Словно щенок, выглядывающий из-за угла.

Напуган, но, услышав шорох, не может удержаться и высовывает любопытную мордочку.

Большая ладонь Хэлянь Жуна легла на его «пушистую» голову.

Хоть и без ушек, но гладить было приятно.

— Потому что ты глуп.

Если не глуп, то как можно было сказать такое?

Даже самый добрый человек не сказал бы таких глупостей в подобной ситуации.

Он столкнулся не с милосердным добряком, а с жестоким палачом.

Подняв свой клинок, тот уже не считал жертв. В конце концов, жизни превращаются в холодные цифры.

И никого это не волнует.

Слишком доброе, слишком хорошее, слишком хрупкое...

Стоит лишь сжать руку, и оно рассыплется в прах.

И чем больше Цзинчжэ проявлял эти качества, тем сложнее Хэлянь Жуну было сдерживать свою всепоглощающую жажду разрушения.

Чем больше нравится, тем сильнее хочется уничтожить.

Он всегда был таким — жестоким и безумным.

Хэлянь Жун закрыл Цзинчжэ глаза ладонью.

Заслоняя его от взгляда в преисподнюю.

— Спи.

***

Цзинчжэ думал, что будет спорить с Хэлянь Жун.

Потому что прошлой ночью тот хотел спать с ним!

И хотя это было совершенно невинное, простое «спать».

Проблема была в том, что мысли Цзинчжэ были совсем не невинными!

И если они будут спать вместе, что, если Хэлянь Жун узнает его тайну?

Когда ладонь закрыла ему глаза, в голове Цзинчжэ роились эти сумбурные мысли. Но стоило ему погрузиться во тьму, как он тут же уснул.

Проснувшись на следующий день, Цзинчжэ ощутил глубокую скорбь.

Хэлянь Жун ведь честно сказал, что хочет его убить!

Как он мог спать так безмятежно, раскинув руки и ноги?

Неужели... Хэлянь Жун прав... и он глуп? Только дураки могут спать так крепко?

Пока Цзинчжэ терзался сомнениями, он обнаружил, что человек рядом с ним уже ушёл.

Он потрогал место рядом — оно ещё хранило тепло.

Значит, встал недавно.

Цзинчжэ привык вставать рано, ведь нужно было успеть прибраться до того, как проснутся господа. Вчера он тоже лёг рано, поэтому проснулся бодрым и отдохнувшим.

Он спустил ноги с кровати.

Едва его ступни коснулись пола, как он вспомнил вчерашний запрет Хэлянь Жуна.

«Это не моя вина, — пробормотал он. — Его самого нет».

Он обулся и пошёл к умывальнику. Проходя мимо столика, он заметил, что зеркало снова стоит прямо.

Бросив на него взгляд, он с удивлением обнаружил, что страшные, фиолетово-чёрные следы пальцев почти исчезли.

Неужели лекарство такое хорошее?

С сомнением умывшись, он сел за стол.

Только сейчас он заметил на столе выпечку.

Видимо, Хэлянь Жун оставил ему завтрак.

Цзинчжэ молча откусил кусок паровой булочки и вздохнул.

Неужели Хэлянь Жун решил держать его здесь вечно?

Это было очень странно.

Неужели со своими будущими детьми он будет поступать так же?

Цзинчжэ проигнорировал укол в сердце при словах «будущими детьми» и нахмурился.

Он знал родительскую любовь.

Хоть и недолго, всего несколько лет.

Но он никогда не сомневался в любви своих родителей.

Эта забота проявлялась каждый день, каждое мгновение — в их улыбках, жестах, в их безграничной нежности.

Родители любили его. Даже под действием «баффа» они бы не стали такими жестокими, лишь более навязчивыми.

В этом Цзинчжэ был уверен.

А он сам...

У него, конечно, никогда не будет детей. Но если бы он попал под действие этого «баффа»... честно говоря, имея перед глазами пример родителей, он, скорее всего, стал бы просто более суетливым, но не таким.

Как, например, во дворце Сюсю, когда он встретил Хуан Ицзе и тех служанок.

Их реакция была чрезмерной, но это было скорее обожание.

По крайней мере, Хуан Ицзе точно. Будь у неё свои дети, она бы баловала их безмерно.

Кстати, о Хуан Ицзе... и о детях...

Император Цзинъюань на троне уже несколько лет.

Но в этом огромном гареме нет ни одного ребёнка... неужели... э-э... император не может?

Это было серьёзно.

Пока Цзинчжэ размышлял, в комнату вошёл Хэлянь Жун. Он нарочно шагал громче, но Цзинчжэ его не замечал.

Хэлянь Жун поднял бровь. Он ведь предупредил. Раз тот не заметил, не его вина.

— О чём думаешь?

— Император, наверное, не может... — пробормотал Цзинчжэ.

Слова вырвались сами собой.

Ой!

Он испуганно поднял голову и увидел, что лицо Хэлянь Жуна почернело.

Это был редчайший случай, когда на его лице отражались явные эмоции.

— Ты думаешь, император не может? — медленно повторил Хэлянь Жун.

Цзинчжэ почувствовал ледяной холод.

А затем заметил, что взгляд Хэлянь Жуна опустился ниже его пояса.

О, небеса!

Цзинчжэ инстинктивно сжал бёдра, тут же поняв, как глупо это выглядит. Его лицо залилось краской, и он замотал головой.

— Нет, я не это... Хэлянь Жун!

Хэлянь Жун наклонился, поднял его на руки и понёс к кровати.

Цзинчжэ почувствовал опасность.

— Что ты делаешь, Хэлянь Жун, не рви мою одежду, нет, нет! — его голос сорвался на визг, полный неподдельного ужаса.

Он отчаянно вцепился в свои штаны, дрожа всем телом, готовый разрыдаться. Его пальцы свело судорогой, и послышался треск рвущейся ткани.

Этот ужас был сильнее, чем когда Хэлянь Жун хотел его убить.

Хэлянь Жун замер, глядя на него.

Мгновение спустя он отпустил его.

Цзинчжэ тут же откатился вглубь кровати и, завернувшись в одеяло, превратился в дрожащий кокон.

Хэлянь Жун сел на край кровати и долго молчал, затем погладил этот кокон.

— ...Прости, — эти два слова из его уст прозвучали так невероятно, словно небо поменялось с землёй. — Я не буду тебя презирать.

Закутанный в одеяло Цзинчжэ прикусил губу, слушая его слова.

Голос был приглушённым, но отчётливым.

Он понял, что Хэлянь Жун неверно истолковал причину его страха.

Но эти слова проникли ему в самое сердце. Все эти годы он жил во дворце с этой тайной. Это было нелегко.

Он не мог вызвать ни у кого подозрений.

Он должен был выжить.

Он не мог подвести своих погибших родителей, сестру.

Он не мог подставить Чэнь Аня.

Но жить было так утомительно. Так трудно.

Быть евнухом, да ещё во дворце — это всё равно что ходить с головой на плахе.

В первые годы, до того как он попал в Северные покои, он выживал, цепляясь за жизнь всеми силами.

Нельзя раскрыться. Это въелось в его плоть и кровь.

Даже если он верил, что Хэлянь Жун, узнав его тайну... может быть... не выдаст его главному

управляющему, но в тот миг, когда он оказался на грани разоблачения, Цзинчжэ едва не сломался.

Всепоглощающий ужас захлестнул его.

Это была инстинктивная, выработанная годами реакция.

Он отчаянно заморгал, пытаясь сдержать слёзы.

Не плакать. Нельзя.

Слёзы — самое бесполезное, что есть на свете. Они ничего не изменят.

Но его дыхание становилось всё более прерывистым, а подушка под щекой намокала.

Внезапно мощная сила сорвала с него его «панцирь».

Как бы крепко он ни цеплялся за края, Хэлянь Жун вырвал его из одеяла.

И его заплаканное, жалкое лицо предстало перед мужчиной во всей красе.

Он дрожащей рукой закрыл лицо, пытаясь скрыть постыдные слёзы.

— Не смотри... — он всхлипнул, — ...я такой уродливый... — его голос ослаб, превратившись в униженную мольбу.

— Действительно, уродливый.

Слова Хэлянь Жун всегда были не слишком приятными.

Цзинчжэ скривил губы и зарыдал ещё сильнее, сотрясаясь от всхлипов.

Хэлянь Жун вздохнул.

Его пальцы убрали прилипшие ко лбу Цзинчжэ волосы.

Этот жест был полон... сострадания.

Цзинчжэ показалось, что ему это мерещится.

Но затем Хэлянь Жун терпеливо вытер его слёзы, помог высморкаться, привёл в человеческий вид. И всё это время его большая ладонь снова и снова похлопывала Цзинчжэ по спине.

Движения были немного скованными, неуклюжими.

Неестественными.

Словно хозяин отсчитывал: раз, два, ещё раз.

Неизвестно, сколько прошло времени.

Но Цзинчжэ, к своему удивлению, успокоился.

Он и сам не заметил, как этот внезапный срыв выплеснул наружу весь страх и тревогу, копившиеся годами.

Он лежал рядом с Хэлянь Жуном, опустошённый и неподвижный.

Хэлянь Жун сидел, прислонившись к изголовью кровати, и обнимал лежащего на боку Цзинчжэ. Его рука всё так же размеренно похлопывала по его худой спине.

Спустя долгое время Цзинчжэ медленно проговорил:

— Я просто... — он запнулся, — ...думал, почему за столько лет в гареме не родилось ни одного принца или принцессы... вот и... я не хотел оскорбить Его Величество.

Хэлянь Жун был человеком императора Цзинъюаня, и, конечно, не потерпел бы оскорблений в его адрес.

Цзинчжэ не хотел, чтобы тот его неправильно понял.

— А ты не думал, что император на троне всего несколько лет, и до этого у него были наложницы, но детей так и не появилось, потому что он их не хочет? — ровно произнёс Хэлянь Жун, его голос был как всегда холоден.

Цзинчжэ удивлённо поднял голову. Хэлянь Жун был человеком императора, его словам можно было верить.

— Но... почему Его Величество не хочет детей?

Кто в мире не хочет иметь потомков?

Продолжить род, прославить семью, избежать греха бездетности — всё это было так важно.

— А почему обязательно хотеть? — безразлично бросил Хэлянь Жун. — Разве отцы и матери любят своих детей с самого рождения? Вовсе нет.

— Как могут родители не любить своих детей? — Цзинчжэ сел.

Он помнил тепло материнской руки, гладившей его по голове, её нежность и любовь. Помнил грубоватые, но крепкие объятия отца, когда тот носил на руках его и сестру.

Их смех до сих пор звучал в его сердце, помогая выстоять в самые тяжёлые времена.

Хэлянь Жун опустил взгляд на Цзинчжэ.

Он был ребёнком, возвращённым в любви. Родители воспитали его очень хорошо, и даже спустя годы это было заметно.

Только поэтому, столкнувшись с опасностью, он не отступил, не убежал. Родители научили его хорошему, но не предупредили, что в мире существует жестокость и тьма.

— Цзинчжэ, не все родители любят своих детей так, как твои. Некоторых не ждут с самого рождения, мечтают задушить в колыбели. Они выживают лишь благодаря удаче и бесстыдному желанию жить.

Хэлянь Жун говорил это небрежно.

— Поэтому для него дети — не драгоценное продолжение рода, а соперники в борьбе за выживание.

Цзинчжэ долго молчал, затем, опустив голову, прошептал:

— Прости.

— За что?

— Я раньше говорил, что не стоит судить о том, чего не знаешь. Но сейчас я сам так поступил. Мои родители очень любили меня, это моя удача, но... не у всех так.

Он понуро опустил голову.

Ох, я и вправду такой глупый, как говорит Хэлянь Жун.

— При чём тут я, — равнодушно сказал Хэлянь Жун. — Устал плакать — поспи. Не вешай нос.

Цзинчжэ хотел что-то сказать, но промолчал.

Ему показалось, что Хэлянь Жун говорил не об императоре Цзинъюане.

А о себе.

Родители Хэлянь Жуна... не любили его?

Если так, это могло бы объяснить его странную и жестокую реакцию на «бафф»... но Цзинчжэ не хотел об этом думать.

Если это правда, то для Хэлянь Жуна это было бы болезненным прошлым.

Он не хотел снова ранить его.

Но всё же не удержался.

— Хэлянь Жун, я думаю, что желание жить — это не что-то постыдное, — тихо сказал Цзинчжэ.
— Любой человек хочет жить. Когда с моей семьёй случилась беда, выжил только я. Может, кто-то считает, что я должен был умереть вместе с ними, я и сам так думал. Но я всё же считаю, что то, что я... жив, — это не стыдно.

Пока есть хоть капля жизни, инстинкт заставляет бороться.

Этот инстинкт не низок.

Это просто спасение себя.

В этом мире только ты сам себя не предашь.

***

— Император ещё не вышел на утренний приём?

Во дворце Шоукан Вдовствующая императрица хмурилась, размышляя над этой новостью.

Император Цзинъюань уже два дня не принимал министров, а сегодня был день большого приёма. Говорили, Нин Хунжу уже объявил, что император нездоров и приём отменяется.

Люди, посланные Вдовствующей императрицей, не смогли ничего разузнать во дворце Цяньмин.

Хотя Цзинъюань мало вмешивался в дела гарема, если он хотел что-то скрыть, даже Вдовствующая императрица была бессильна.

При мысли об этом её охватывала ярость.

До восшествия Цзинъюаня на престол все считали, что трон достанется Хэлянь Дуаню. И даже после коронации Вдовствующая императрица не принимала Хэлянь Жуна всерьёз.

Она думала, что, даже получив трон по счастливой случайности, он, не имея ни людей, ни поддержки, не сможет удержать власть и справиться с недовольством чиновников.

Но она и представить не могла, что он осмелится казнить придворных прямо во время приёма и выставить их головы на ступенях дворца. Какая дерзость, какое безумие!

Вдовствующая императрица была готова действовать, но оказалось, что у нового императора есть сила, не боящаяся её убийц.

Головы наёмников, посланных убить императора, на следующее утро оказались у её кровати.

Проснувшись от запаха крови и увидев у своего ложа несколько отрубленных голов, она закричала и потеряла сознание.

Они проникли в её покои, как в пустой дом.

Никто не заметил, как эти головы там оказались.

У императора Цзинъюаня были такие таинственные помощники.

Именно это заставило Вдовствующую императрицу в конце концов уступить и переехать во дворец Шоукан.

Теперь она укрепила свои покои так, что даже люди императора не смогли бы туда проникнуть.

Но воспоминание о том ужасе до сих пор вызывало в ней гнев.

Она размышляла, кто мог помочь Цзиньюаню создать такую силу — либо покойный император, либо...

Семья Шэнь.

Шэнь Тинсюань, старый ректор Шэнь.

При одном упоминании этого имени Вдовствующая императрица скрипела зубами.

Сведения, добытые принцем Жуюем, подтвердили её догадки. Если бы не покровительство семьи Шэнь в прошлом, с чего бы Цзиньюаню, с его жестоким и холодным нравом, посылать людей на защиту Шэнь Тинсюаня?

Этот старик открыл академию Цяньюань, изображая отшельника, а на самом деле тайно плёл интриги. Вдовствующая императрица хотела от него избавиться. Но сейчас важнее было другое: что случилось с Хэлянь Жуном?

Может, он и вправду серьёзно болен?

Иначе, по его привычке, хоть он и не ладил с чиновниками, свои императорские обязанности он выполнял исправно.

В этом деле он был на удивление добросовестен.

Подумав, Вдовствующая императрица позвала слуг.

— Пригласите ко мне гуйфэй.

Придворная дама поклонилась и поспешила во дворец Чжунцуй за гуйфэй Хуан Ицзе.

Войдя во дворец Шоукан, Хуан Ицзе поклонилась Вдовствующей императрице, но та тут же подняла её.

— Садись скорее.

— Это мой долг, — улыбнулась Хуан Ицзе.

— Привыкла ли ты? — Вдовствующая императрица похлопала её по руке.

— Во дворце всё хорошо, мне не на что жаловаться, — она застенчиво покачала головой.

— Это хорошо, — улыбнулась Вдовствующая императрица.

Она позвала Хуан Ицзе, казалось, просто чтобы поболтать. Они долго говорили о пустяках, прежде чем разговор коснулся императора Цзиньюаня.

— Гуйфэй, что ты думаешь об императоре?

При этих словах глаза Хуан Ицзе заблестели.

— Его Величество... очень хороший, — тихо сказала она.

Вдовствующая императрица, видя её смущение, рассмеялась.

— Что же ты так стесняешься? Раз ты вошла во дворец, ты моя невестка, а император — твой муж. У тебя самый высокий ранг, так что многие дела в гареме теперь на тебе.

Она говорила с намёком.

Хуан Ицзе склонила голову, глядя на Вдовствующую императрицу.

— В последние дни император нездоров, — медленно произнесла та. — Сегодня даже большой приём пропустил.

— Это... серьёзно? — встревожилась Хуан Ицзе. — Я... наложница...

— Он твой муж, — улыбнулась Вдовствующая императрица. — Естественно, что ты хочешь его навестить. Кто может тебе помешать?

Хуан Ицзе покраснела и опустила голову.

Спустя некоторое время она покинула дворец и села в паланкин.

Рядом с ней шла неприметная служанка — самая доверенная из всех.

Она была её служанкой из дома.

Она последовала за ней в столицу, а теперь — и во дворец.

Высокопоставленные наложницы могли взять с собой одного человека.

Это была их привилегия.

Вернувшись во дворец Чжунцуй, служанка, узнав о намерениях Вдовствующей императрицы, нахмурилась.

— Вдовствующая императрица хочет послать вас на разведку, гуйфэй... это...

Хуан Ицзе уже не выглядела такой застенчивой, как во дворце Шоукан. Её лицо было холодным.

— Вдовствующая императрица не просто так ввела меня во дворец. Если я не буду исполнять её волю, моя семья пострадает.

Она посмотрела на служанку.

— Юйши, причеши и одень меня.

На её лице появилась мягкая улыбка — та самая маска, которую она носила на публике.

— Я впервые иду к Его Величеству, нужно выглядеть хорошо.

***

Когда Цзинчжэ снова проснулся и обнаружил, что спит в объятиях Хэлянь Жуна, причём совершенно бесстыдно, он уже не удивился.

Шутка!

Как можно было не удивиться!

Почему он спит в его объятиях! А! Почему Хэлянь Жун сегодня так поздно встал! Почему за окном так светло! Он что, проспал?

Цзинчжэ мысленно взвыл.

Взвывая, он попытался выбраться из объятий.

...Что это упирается ему в поясницу?

Твёрдое и странное.

— Поспи ещё.

— Ты не спи, а лучше убери свою вещь с кровати, очень неудобно, — пробормотал Цзинчжэ. — Зачем тащить такое в постель?

— Какую вещь? — голос Хэлянь Жун звучал так, будто он и не спал.

Всегда такой ясный.

Цзинчжэ потянулся назад, чтобы схватить её и показать, но на ощупь она оказалась горячей и... не вытаскивалась?

Он на мгновение замер, а затем, как молнией поражённый, понял, что это. Он резко отдернул руку и сел.

Его рука висела вдоль тела. Он хотел сжать её в кулак, но ему казалось, что он до сих пор чувствует это горячее, твёрдое, пульсирующее...

Как... как оно может быть таким большим...

Нет, как он мог не понять!

Он поступил во дворец. Если бы кто-то обнаружил, что с его телом что-то не так, это привело бы к беде. Поэтому Чэнь Ань когда-то дал ему лекарство, которое он принимал некоторое время.

Эти таблетки подавляли телесные желания и, естественно, влияли на его организм.

Его либидо было очень слабым.

У него почти никогда не было утренней неловкости.

Поэтому в этой области он был совершенно неопытен. И это прикосновение едва не выбило его из колеи.

Хэлянь Жун неторопливо встал, оделся.

Он не упомянул об этом инциденте, и Цзинчжэ должен был бы счесть это проявлением редкой снисходительности. Когда Хэлянь Жун ушёл, Цзинчжэ тут же завернулся в одеяло.

Хотелось вымыть руки.

Но он боялся выйти.

Какой ужас.

Как он докатился до такого?

Какой ужас.

Цзинчжэ утёр слёзы.

И понял, что сделал это той самой рукой. Ему захотелось закричать.

Когда он, наконец, вылез из постели, Хэлянь Жун уже оделся. Он снова поднял его, отнёс умываться, а затем усадил за стол.

За эти два дня Цзинчжэ уже привык. Он покорно сидел и ел.

Этот запоздалый завтрак был безвкусным. Он не смел поднять глаза на Хэлянь Жуна.

Но после еды тот подошёл, снова поднял его, уложил на кровать и опустился перед ним на колени. Цзинчжэ похолодел. Опять?

Нет, таза с водой нет.

Тогда что...

Он смотрел, как Хэлянь Жун достаёт из-за пазухи ключ.

Время вышло?

Он очнулся?

Цзинчжэ едва не заплакал от радости и потянулся за ключом, но рука мужчины отёрнулась.

Он замер, глядя на Хэлянь Жуна.

Тот говорил словно сам с собой.

— Хотя в эти дни я был слишком импульсивен, но...

Его взгляд упал на лодыжку Цзинчжэ. Пламя ярости, однажды зажжённое, было не просто внешним воздействием, а семенем, что уже существовало внутри, и теперь оно проросло чистым желанием.

Он подумал, что так даже лучше.

Крепко связан, никуда не денется.

Цзинчжэ стало не по себе.

Совсем не по себе.

Он схватил Хэлянь Жуна за руку, не пытаясь вырвать ключ, но очень напряжённо.

— Хэлянь Жун, у меня есть свои дела, я... если я останусь здесь, ты будешь в опасности.

— В опасности? — Хэлянь Жун, казалось, нашёл это забавным и поднял на него глаза.

Цзинчжэ серьёзно кивнул.

— Да. Я знаю, что ты можешь скрыть моё отсутствие, но я... — он замолчал, колеблясь.

Каждое слово давалось ему с трудом.

— Бинь Сюй нападает на меня, кажется, из-за Цайжэнь Яо. А смерть Цайжэнь Яо может быть связана с Вдовствующей императрицей.

Голос Цзинчжэ стал тише.

— Я не хочу впутывать тебя в это.

После недолгого молчания раздался щелчок.

Хэлянь Жун открыл замок.

Тяжёлая цепь упала на пол. Цзинчжэ, обретший долгожданную свободу, потёр натёртую докрасна лодыжку.

— Цзинчжэ, я желаю тебя.

Эта простая фраза прозвучала так, будто в ней не было ничего постыдного.

Но она едва не расколола Цзинчжэ надвое.

Словно это были не похотливые слова, а признание в радостной любви.

Он, сидевший, обхватив колени, резко поднял голову.

На прекрасном лице мужчины дикая, первобытная притягательность смешивалась с чарующей красотой. Лёгкая улыбка, тронувшая его губы, взорвалась на холодном, бледном лице ослепительной, яростной красотой.

Цзинчжэ затаил дыхание.

Не только от его непристойных слов, но и от этой необузданной, ослепительной красоты.

Большой палец Хэлянь Жуна коснулся его губ.

Рана там заживала медленнее, чем на шее, и всё ещё была заметна.

— Что за ночь сегодня, если я вижу этого прекрасного человека? О, ты, о, ты, что же мне делать с таким прекрасным человеком¹... — Хэлянь Жун наклонился так близко, что их дыхание смешалось. — Цзинчжэ, будешь ли ты моим прекрасным человеком?

Желание, вырвавшееся наружу, превратило его и без того ослепительную красоту в сокрушительный клинок, а нежные слова — в яд, которым он был пропитан.

И всё это вонзилось в самое сердце Цзинчжэ.

***

¹Стихотворение «Чоумоу» из древнекитайского сборника «Книга песен» (Ши цзин), раздел «Нравы царств», «Нравы Тан».

<http://bllate.org/book/16993/1585182>